

Бирючин Святослав Владимирович

ЧАСТНЫЙ ДОКУМЕНТ В РОМАНЕ "ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО": К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК И СТАЛИНГРАДСКОЙ ДИЛОГИИ ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА

Статья раскрывает содержание термина "частный документ", актуального в отношении записных книжек В. С. Гроссмана. Целью исследования является определение характера связи фронтовых дневников писателя с романом "За правое дело". В результате сопоставительного анализа двух текстов автор статьи выявляет художественные функции, которые частные документы из записных книжек Василия Гроссмана выполняют в первой части сталинградской дилогии писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 10-13. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

Статья раскрывает содержание термина «частный документ», актуального в отношении записных книжек В. С. Гроссмана. Целью исследования является определение характера связи фронтовых дневников писателя с романом «За правое дело». В результате сопоставительного анализа двух текстов автор статьи выявляет художественные функции, которые частные документы из записных книжек Василия Гроссмана выполняют в первой части сталинградской диалогии писателя.

Ключевые слова и фразы: частный документ; эго-документ; записные книжки; В. С. Гроссман; «За правое дело»; сталинградская диалогия.

Бирючин Святослав Владимирович

*Московский педагогический государственный университет
biryuchin@yandex.ru*

ЧАСТНЫЙ ДОКУМЕНТ В РОМАНЕ «ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО»: К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК И СТАЛИНГРАДСКОЙ ДИЛОГИИ ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА

В течение Великой Отечественной войны В. С. Гроссман, будучи специальным корреспондентом газеты «Красная звезда», регулярно вел фронтовой дневник. В его записных книжках (в настоящей статье обращение к жанрам записной книжки и дневника будет вестись в синонимическом порядке, их разграничение в контексте данной работы непринципиально) запечатлены уникальные факты из жизни людей в эпоху войны, в них нашли отражение мысли писателя об увиденном. В этом смысле Гроссман находится в русле отечественной литературной традиции, объединяющей его как с предшественниками («Записки кавалериста» Н. С. Гумилева, «Конармейский дневник» И. Э. Бабеля и др.), так и с современниками («Разные дни войны» К. М. Симонова, «Записки о войне» Б. А. Слуцкого, «Я в свою ходил атаку...» А. Т. Твардовского и др.). Историки неоднократно подчеркивали документальную ценность фронтовых дневников Гроссмана, однако и собственно литературная роль записных книжек в послевоенном творчестве писателя крайне велика.

Для определения характера художественной связи военных записных книжек В. С. Гроссмана с романом «За правое дело» данное исследование предполагает решение следующих задач:

- определить значение терминов «частный документ» и «эго-документ», доказать целесообразность их применения в отношении изучаемого материала;
- произвести предварительный сопоставительный анализ документального и романного текстов, выявить наиболее яркие аналогии;
- сформулировать на основе данного анализа те художественные функции, которые частные документы из фронтового дневника реализуют в художественном пространстве первой части сталинградской диалогии.

Под документом (от лат. *documentum* – свидетельство) нами, согласно толкованию Е. Г. Местергази, понимается «устное или письменное свидетельство о каких-либо исторических, т.е. действительно бывших, событиях, фактах; официальная бумага, подтверждающая подлинность, достоверность чего-либо» [3, с. 7]. Поскольку содержащиеся в военных дневниках Гроссмана записи о реальных фактах не относятся к сфере официальных (деловых) документов, имеющих юридическую силу и созданных на принудительной основе, в рамках служебных обязанностей и полномочий, в настоящем исследовании будет уместно определить специфику записных книжек писателя с помощью отдельного термина. Вместо распространенного, но, на наш взгляд, не вполне корректного понятия «человеческий документ» (абсолютное большинство документов, в том числе официальных, созданы человеком, поэтому применение подобного метафорического термина затруднительно в отношении дневников, писем и пр. «личных» текстов) мы предлагаем номинацию «частный документ», под которой понимаем текст, созданный на добровольной основе реальным (невывмышленным) человеком, выступающим в роли либо опосредованного (повествователь опирается на чужие свидетельства, подлинность которых гарантируют другие лица), либо прямого (повествователь – участник или очевидец события) источника знания о реальном факте. В последнем случае уместно говорить об эго-документе – термине, введенном в академическую науку профессором Амстердамского университета Жаком Прессером еще в середине 1950-х гг. [6]. Итак, в нашем понимании частный документ (и эго-документ в том числе) – это правдивое личное свидетельство человека о действительно происшедшем.

В этом смысле записные книжки Василия Гроссмана представляют собой сборник частных документов о реальных фактах эпохи войны, составленный писателем на основе как собственных наблюдений (эго-документальные записи), так и свидетельств других людей.

Исторически сложилось так, что роман «За правое дело» (1943-1952), являющийся первой частью сталинградской дилогии Гроссмана, оказался в тени своего гораздо более известного и значительного продолжения – романа «Жизнь и судьба» (1949-1960). Несмотря на «исказительный советский пафос» [4] произведения и практически полное игнорирование его со стороны современных исследователей, «За правое дело» представляет собой крайне интересный объект для изучения в контексте документальных связей с записными книжками. Как показал сопоставительный анализ текстов военных дневников и романа, проведенный в ходе подготовки к данной работе, в первой части сталинградской дилогии писатель широко обращается к собственным фронтовым записям, активно используя их в тексте романа «За правое дело» в соответствии с различными художественными задачами. Формат настоящей статьи не позволяет произвести подробное сопоставление многочисленных текстовых аналогий, поэтому ограничимся тезисным изложением и цитированием лишь наиболее важных фрагментов. Обнаруженные нами документальные «следы» записных книжек условно можно объединить в несколько тематических блоков по количеству реализуемых ими в тексте романа художественных функций.

1. Частный документ как отражение народного отношения к войне. Мысли людей о течении, перспективах и потенциальном исходе войны – одна из животрепещущих тем, которые освещаются Гроссманом в романе «За правое дело». Так, свое собственное эго-документальное впечатление о необоснованном оптимизме офицерского состава, стоившем в начале войны многих человеческих жизней («Немцевич заявил мне, что вот уже больше 10 дней над его аэродромом не появляются немецкие самолеты. Вывод он делает категорический: у немцев нет бензина, у немцев нет самолетов, все сбиты» [1, с. 249]), Гроссман передает Крымову, обнаруживающему похожую самоуверенность у стратегов из армейского политотдела: «Выдохся окончательно... У них нет самолетов, нет бензина, нет танков, нет снарядов... Видите, уже две недели ни одного самолета в воздухе» [2, с. 169-170].

Мысли гражданского населения о войне занимали Гроссмана отнюдь не меньше, чем настроения в армейских кругах. Причем народное, «бытовое» понимание войны у Гроссмана зачастую транслируют женщины. Так, для сельских баб из записных книжек немцы опасны, прежде всего, как большее зло в сравнении с меньшим: «Ось цей Гитлер то настоящий антихрист. А мы раньше казали – коммунисты антихристы» [1, с. 344]. Этот социально-религиозный критерий в романе положен в основу размышлений Агриппины Петровны: «... вот, бабы, раньше старухи думали – коммунисты церкви закрывают... <...> Ох же и антихрист Гитлер этот проклятый, ох же и антихрист, чтоб ему на том свете добра не было» [2, с. 45].

В сущности, этим же сугубо практичным целеполаганием руководствуется колхозница Рублева, чья позиция по отношению к фашистам изложена в записных книжках Гроссмана: «При немцах живут, конечно, но для меня это не жизнь будет. Как мужа убили, у меня теперь один Сережа остался. При советской власти он у меня в большие люди выйдет, а при немцах ему пастухом умирать» [1, с. 345]. Безымянная женщина, с которой в романе «За правое дело» встречается Вавилов, прямо повторяет эти прагматичные мысли, планируя ближайшее будущее для себя и своего сына: «Зимой Волга замерзнет, и если немец на нашу луговую сторону перейдет, мы с Сережей бросим все, в Казахстан уйдем... У меня в жизни он один теперь. При советской власти он у меня в большие люди выйдет, а при немцах ему пастухом умирать» [2, с. 494].

2. Частный документ как источник «окопной правды». Принципиальное противопоставление фронта и тыла – оппозиция, заложенная Гроссманом в записных книжках с предельной ясностью: «Тыл живет другим законом, и никогда он не может морально слиться с фронтом. Его закон – жизнь, борьба за жизнь, а жить свято мы не умеем, мы умеем свято умирать. Фронт – святость русской смерти, тыл – грех русской жизни» [1, с. 313]. Характерно, что уже в романе «За правое дело», который многие литературоведы и критики традиционно считают гораздо менее свободным и правдивым произведением писателя в сравнении с «Жизнью и судьбой», эта идея, пусть и в трансформированном виде, излагается в гневной тираде Ковалева: «Я видел бюрократов, в тыл драпают, только ветер свистит. Тот, кто на передовой, у того душа живет! Я правильной правды хочу! Голодные бойцы, командиры из окружения через фронт прорываются, а бюрократы на них пальцами тычут! А сами пошли бы в полицию служить!» [2, с. 38].

Конфликт подчиненных и вышестоящих, условных «чернорабочих» и привилегированных – иначе говоря, конфликт среди своих, одни из которых обделены в правах и испытывают негласную, а подчас и вполне четко проговариваемую неприязнь к другим, устроившимся лучше, – эго-документальное наблюдение Гроссмана, которое трудно обнаружить в официальных документах военных лет. В записных книжках писатель отмечает: «У переправы ждут машины. Темно. Горят вдали пожары. Тяжело поднимается в гору подкрепление, переправившееся через Волгу. Мимо нас проходят двое. Слышу, боец говорит: “Легкари, торопятся жить”» [1, с. 346].

В романе «За правое дело» эту фразу в свой адрес слышит Крымов, который, пользуясь служебным положением, пытается избежать немецкой бомбардировки, что замечают красноармейцы, несущие свою тяжелую и смертельно опасную службу на обстреливаемом противником мосту: «Когда Крымов нетерпеливо звал водителя, один понтонер сказал второму:

– Легкари!

Этим словом они, видимо, обозначали не только едущих на легковых машинах, но и тех, что хотели легко отделаться от войны и долго жить на свете.

Второй спокойно, без осуждения, подтвердил:

– Легкарик, торопится жить» [2, с. 160].

3. Частный документ как свидетельство лучших качеств народа. «Окопная правда» – важная, но не единственная часть единой правды о войне. Гроссман несколько не скрывает и, напротив, всячески обращает внимание на лучшие качества советского народа, усиленно документируя в своих записных книжках все то, благодаря, а не вопреки чему была добыта Великая Победа.

В повествовательном отношении изображение героизма защитников Родины в романе «За правое дело» неоднородно. В одних случаях Гроссман описывает подвиги красноармейцев в стиле сухой оперативной сводки с минимумом эпитетов и максимумом глаголов, скупое описывающих батальное действие (в качестве примера можно привести описание боя батареи Скакуна в записных книжках [1, с. 372] и соответствующий ему эпизод с батареей Свистуна в романе [2, с. 384]). В других романских сценах, имеющих документальное происхождение, писатель, напротив, отступает от тактики сухого безэмоционального рассказа, снабжая повествование подлинным лиризмом. Так, реальное предсмертное донесение командира 3-й роты Колаганова, переписанное в записную книжку, хотя и является официальной бумагой, по существу представляет собой глубоко личный, наполненный живыми эмоциями частный документ, практически дословно перенесенный Гроссманом в романное донесение Ковалева. Приведем лишь один фрагмент: «Гвардейцы не отступают, решили пасть смертью храбрых, но противник не пройдет нашу оборону. Пусть узнает вся страна 3-ю стрелковую роту. Пока командир роты живой, ни одна б... не пройдет» [Там же, с. 582].

4. Частный документ в функции доказательств противоестественности и разрушительной силы войны. Многие документальные записи из фронтового дневника Гроссмана, повествующие о трагических фактах военного времени, получили объемное художественное развитие в романе «За правое дело». Так, свидетельство о первой военной ночи, записанное Гроссманом со слов подполковника Немцевича («Зашел в домик и увидел наших зарезанных командиров, их видимо зарезали во время сна диверсанты – это было в западных областях» [1, с. 249]), в романе облачено в форму воспоминаний Новикова, запечатленных в помутненном сознании уставшего героя: «Чем дальше уходила в тыл машина, тем туманней становились его воспоминания о новых впечатлениях, события и лица сливались, и он не помнил, где ночевал и где едва не сгорел во время ночной бомбежки, где он видел в часовне зарезанных диверсантами во время сна двух красноармейцев – в Кобрине или в Березе Картузской» [2, с. 83].

Жутких и подчас поистине апокалиптических документальных картин, перед которыми меркнет всякий вымысел, почерпнутых Гроссманом из собственных фронтовых наблюдений и рассказов очевидцев, «За правое дело» содержит немало, причем многие из них перенесены из записных книжек практически дословно. Интересно, что эти дневниковые записи напоминают словесные описания живописных картин или кадров из сюрреалистических кинофильмов, прямо или косвенно иллюстрирующих хаос и ужас войны. Слепые люди, на ощупь покидающие охваченный огнем Минск («Мне рассказали, как после сожжения Минска слепые из инвалидного дома шли длинной цепью по шоссе, связанные полотенцами» [1, с. 251]), масштабное отступление гражданского населения западных советских областей на восток, напоминающее автору о грандиозных событиях Священного Писания («В этих широких, желтых лучах движение старцев, женщин с младенцами на руках, овечьих стад, воинов кажется настолько величественным и трагичным, что у меня минутами создается полная реальность нашего переноса во времена библейских катастроф» [Там же, с. 281]), печальный визит в Ясную Поляну и безрадостные думы у могилы Л. Н. Толстого перед скорым приходом немцев – все эти рассказы свидетелей и собственные эго-документальные впечатления Гроссман широко использовал в тексте романа «За правое дело».

5. Частный документ как средство достоверного описания военного быта. Материалы записных книжек, помимо прочего, позволили Гроссману правдиво описать в романе «За правое дело» особенности быта военной эпохи, в том числе достоверно изобразить явления, малоизвестные людям, знающим о войне лишь понаслышке. Характерно, что многие дневниковые свидетельства, рассказывающие о повседневной жизни советского человека на фронте и в тылу, тематически пересекаются с предыдущим разделом настоящей работы, так как свидетельствуют о ставшей обыденной противоестественности войны, нарушившей привычный порядок жизни людей. Так, замечание Гроссмана о том, что в военное время тишина и покой становятся аномалией и парадоксальным образом приобретают зловещий характер, неоднократно встречается в записных книжках: «Едем – пустые дороги, всюду нарыты окопы, огромные рвы, оборона, противотанковые препятствия и ни одного бойца, пусто. Тихо и пусто, но много жути в этой тишине и осеннем покое» [Там же, с. 278]. В романе «За правое дело» это наблюдение находит прямое продолжение: «...чувство тревоги возникало не от привычных для многих выстрелов, по-настоящему жутко становилось в минуты тишины» [2, с. 525].

Наблюдение, прямо связанное с предыдущим, – зафиксированная в записных книжках привычность стрельбы, взрывов, неблизкая обычному человеку («...чем тише, тем напряженной. Спокойнее, когда бой идет, и тогда клонит ко сну» [1, с. 339]), – прямо отражается в романе: «За эти дни он (Новиков – С. Б.) так устал и так привык к оглушающему грохоту войны, что его не разбудила ночная бомбежка. Он проснулся от тишины» [2, с. 84].

Столь же противоестественное для мирного времени неприятие ясного неба, в условиях войны становящегося враждебным человеческой жизни («Погода чудесная, но мои спутники говорят, что это плохо, я и сам понимаю это» [1, с. 246]), и радостное отношение к непогоде, мешающей врагу убивать («Плохая погода – мгла, дождь, туман, все мокрые, замерзли, и все довольны – нет немецкой авиации, с удовольствием говорят: “Хорошая погода”» [Там же, с. 273]), – еще одно документальное явление военной поры, запечатленное в романе, где ясный летний день называется «проклятой погодой».

Вместе с тем Гроссман подчеркивает, что русский человек на войне удивительным образом адаптируется к противоестественности новой жизни, обустроивая свой быт на домашний лад, трансформируя пространство смерти в некое подобие домашнего очага. Так, дневниковые отметки о вырытой в земле бане («Баня в земле вырыта, бойцы любят париться с веничком, не выгонишь из бани» [Там же, с. 380]) и пекарне («Пекарня – русская печь зарыта в землю, печем подовый прекрасный пышный хлеб – мастера замечательные» [Там же]) находят продолжение в романе «За правое дело», где о подобном устройстве походного быта рассказывают Крымову: «Устроились ничего. Своя хлебопекарня. Банька неплохая. Кухня налажена» [2, с. 615].

Итак, записные книжки Василия Гроссмана как писательский сборник частных документов о войне нашли широкое и разнообразное художественное отражение в романе «За правое дело». В силу объективных причин оставив за рамками данной статьи значительное количество прямых текстовых аналогий и подробных примеров, мы тем не менее можем констатировать на основе изложенного, что документальные заимствования из фронтового дневника выполняют в романе «За правое дело» ряд важнейших художественных функций: частный документ как отражение народного отношения к войне; частный документ как источник «окопной правды»; частный документ как свидетельство лучших качеств народа; частный документ в функции доказательств протivoестественности и разрушительной силы войны; частный документ как средство достоверного описания военного быта.

Кроме того, не вступая в спор с критиками первой части сталинградской дилогии, утверждающими о пораженческом компромиссе романа «За правое дело» с требованиями социалистического реализма и восторгающимися подлинной художественной свободой Гроссмана в «Жизни и судьбе» («Вот в чем прежде всего заключается принципиальная разница между обоими романами: в первом – лишь кое-где сохранились “осколки правды”, правда в нем “обрубленная”; во втором – засверкала “вся правда – без утайки”») [5, с. 111]), мы считаем необходимым заметить, что во многом именно документальные эпизоды, опирающиеся на свидетельства из записных книжек, стали «осколками правды» в первом сталинградском романе Гроссмана, поскольку были написаны не под давлением редакторов и цензоров, но возникли из реального жизненного опыта самого писателя и многих других людей на войне. Неся в себе запечатленную правду жизни, родившиеся из записных книжек эпизоды романа, в сущности, остались наиболее живыми, неустаревшими и художественно ценными местами этого произведения.

Список литературы

1. Гроссман В. С. Записные книжки // Гроссман В. С. Годы войны. М.: Правда, 1989. С. 244-457.
2. Гроссман В. С. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Аграф; Вагриус, 1998. Т. 1. 624 с.
3. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007. 327 с.
4. Солженицын А. И. Дилогия Василия Гроссмана [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/8/solz.html (дата обращения: 16.03.2016).
5. Шнейерсон М. А. Два романа Василия Гроссмана // Грани. 1991. № 160. С. 107-148.
6. Dekker R. M. Jacques Presser's Heritage. Egodocuments in the Study of History // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. № 5. P. 13-37.

PRIVATE DOCUMENT IN THE NOVEL “FOR A JUST CAUSE”: ON THE RELATION BETWEEN THE NOTEBOOKS AND STALINGRAD DILOGY BY VASILY GROSSMAN

Biryuchin Svyatoslav Vladimirovich
Moscow State Pedagogical University
biryuchin@yandex.ru

The article discovers the meaning of the term “private document” relevant in relation to the notebooks by V. S. Grossman. The study aims to identify the nature of relation between the writer’s front diaries and the novel “For a Just Case”. Relying on the comparative analysis of the two texts the author reveals the artistic functions which the private documents from Vasily Grossman’s notebooks perform in the first part of the writer’s Stalingrad dilogy.

Key words and phrases: private document; ego-document; notebooks; V. S. Grossman; “For a Just Case”; Stalingrad dilogy.

УДК 82.31

В статье впервые рассматривается специфика онейрического хронотопа в романе Захара Прилепина «Обитель». Автор приходит к выводу, что сновидения Артема Горяинова и Галины Кучеренко, поднимая завесу над пространством их сознания, раскрывают характер персонажей, помогают понять их мысли и чувства, приближают к пониманию сути происходящего в литературной действительности, привлекая внимание ко многим проблемам, центральными из которых являются проблемы памяти, поиска себя, обретения истинных ценностей.

Ключевые слова и фразы: роман З. Прилепина «Обитель»; онейрический хронотоп; сон в литературном произведении; литературный сон; литературная реальность; проблема памяти.

Ильина Светлана Анатольевна, к. филол. н.
Тамбовский государственный технический университет
vaska24@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОНЕЙРИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

Сон в литературном произведении – традиционный прием, которым писатели пользуются с древнейших времен. Внимание к онейрическому времени-пространству – обязательная часть анализа художественного произведения.